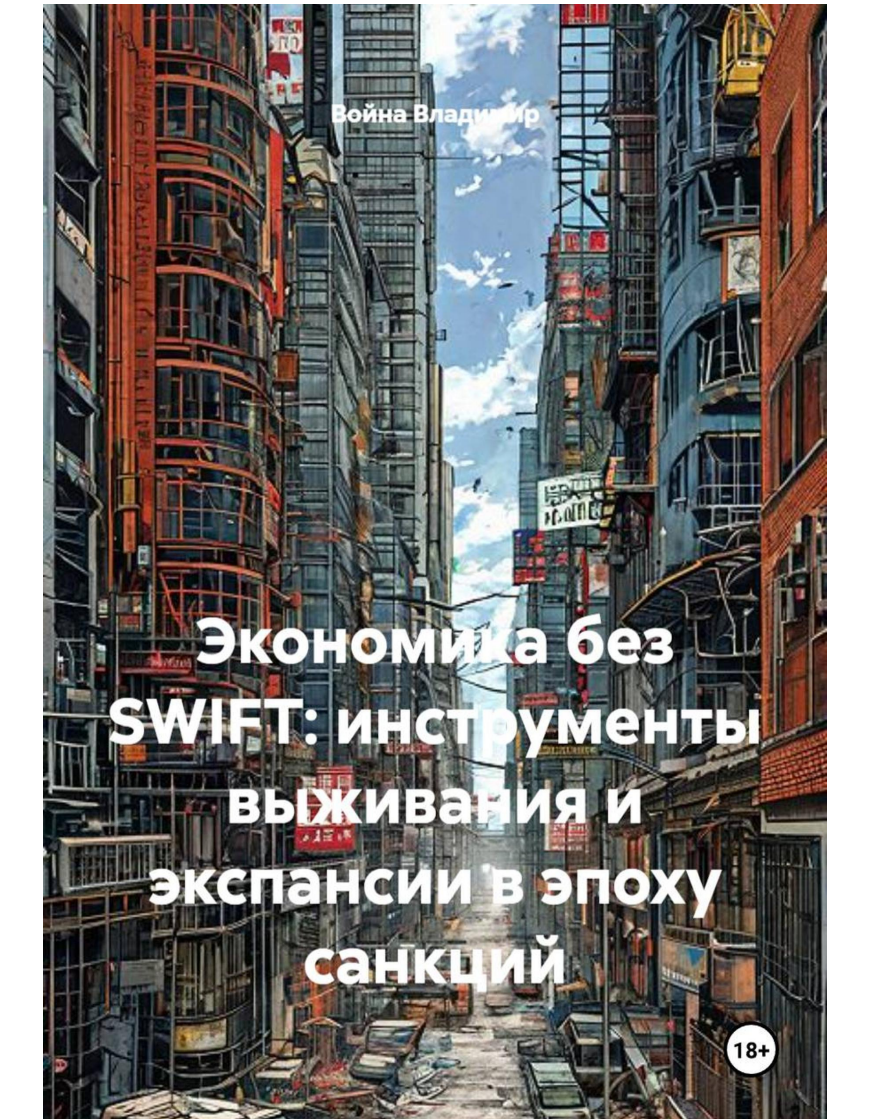

Война в Украине

Экономика без SWIFT: инструменты выживания и экспансии в эпоху санкций

18+

Война Владимир Экономика без SWIFT: инструменты выживания и экспансии в эпоху санкций

<https://litres.ru/74188219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отключение от SWIFT, заморозка резервов, санкционные войны — мир стремительно уходит от доллароцентричной системы. Но экономика не умирает: она возвращается к древнейшему инструменту обмена — бартеру, переосмысленному на цифровом уровне.

Эта книга — путешествие через век безденежного обмена: от советских «толкачей» и хаоса 1990-х до китайских своп-линий и клиринговых платформ БРИКС. Исторический анализ, сравнительное исследование двух великих моделей и практическое руководство по инструментам выживания и экспансии в эпоху, когда деньги стали оружием.

Для политиков, экономистов, международников и всех, кто хочет понимать, как будет устроен мир после доллара.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Экономика без SWIFT: инструменты выживания и экспансии в эпоху санкций

Глава

Введение

От каменного топора до смарт-контракта: почему бартер возвращается

В учебниках по экономической теории бартер принято описывать как неудобную, архаичную ступень эволюции, которую человечество преодолело, изобретя деньги. Считается, что прямой товарообмен требует «двойного совпадения потребностей», громоздок и неизбежно проигрывает эффективностью универсальному эквиваленту. Однако реальная история XX и XXI веков опровергает этот стройный кабинетный миф. Бартер не только не исчез, но и в критические для государств моменты становился единственным спасительным кругом, а в руках искушенных стратегов — и во все наступательным оружием глобальной конкуренции.

Эта книга посвящена двум великим цивилизациям евразийского пространства — Советскому Союзу и Китай-

ской Народной Республике, — чей опыт безденежного обмена является самым масштабным, противоречивым и поучительным в новой истории. СССР прошел путь от идеологической догмы «отмирания денег» до теневой экономики «толкачей» и коллапса 1990-х, когда до 80% промышленных расчетов осуществлялось без участия рубля. КНР, напротив, превратила вынужденную бедность и нехватку твердой валюты в фундамент своего «экономического чуда», а сегодня создает глобальную систему «связанных кредитов», клиринговых платформ и цифрового юаня, чтобы обеспечить свою ресурсную безопасность без оглядки на Вашингтон.

Читателю, привыкшему к образу бартера как обмену мешками с зерном на мешки с цементом, предстоит увидеть это явление в совершенно иной оптике. Вы познакомитесь с драматическими и авантурными сюжетами: как во время Великой Отечественной войны директора эвакуированных заводов негласно обменивали танковую сталь на дизели, чтобы запустить производство быстрее, чем работала бюрократическая машина. Как в брежневском застое универсальным «товаром-валютой» служили цемент, пиломатериалы и дефицитная бытовая техника, выстраиваясь в многозвенные теневые цепочки всесоюзного масштаба. И как в начале XXI века Китай нанес поражение западным банкам в борьбе за недра Африки, предложив сырьевым странам «пакетную сделку»: порты и железные дороги — в обмен на гарантированный поток нефти и лития, без единого доллара в

расчетах.

Мы анализируем глубинные различия двух философий. Советский бартер был нервной реакцией на провалы плана и хронический дефицит. Это была экономика выживания, за которую государство расплачивалось качеством продукции и коррупцией. Китайский же бартер вырос в стратегию экспансии: от примитивной «меновой дипломатии» эпохи Мао Цзэдуна до изощренной «Ангольской модели» и цифровых своп-линий центробанков эпохи Си Цзиньпина. Пекин намеренно создает ситуацию, при которой его контрагенты добровольно входят в «юанево-товарный контур», становясь частью технологического стандарта и ресурсной базы Поднебесной.

В заключительных главах книги мы переходим от истории к архитектуре будущего. Как на базе советского опыта аварийного клиринга и китайских блокчейн-технологий могут быть выстроены новые международные проекты — от многосторонних расчетных платформ БРИКС+ до глобальных агротехнических свопов, обеспечивающих продовольственную безопасность в эпоху санкций и нарушения логистических цепочек.

Мир вступает в эпоху, которую аналитики уже называют «постамериканской» или эпохой «деградации фиатных денег». В этих условиях меновые механизмы, оцифрованные и очищенные от хаоса, перестают быть архаизмом. Они становятся инструментом мягкой силы, конкуренции и сувере-

нитета. На стыке советского инженерного гения выживания и китайской цифровой прагматики рождается новый экономический ландшафт.

Глава 1. Бартер как экономическая категория: вне времени и рынка

Определение: чистота формы и размытость границ

В строгом экономическом смысле бартер — это прямая сделка по обмену товара или услуги на другой товар или услугу без использования средства обращения (денег). Формула «Товар — Товар» (Т — Т) кажется элементарной, однако на практике она почти никогда не встречается в стерильном виде. Уже на заре цивилизаций возникли первые «товаро-деньги» (скот, зерно, ракушки каури, меха), которые разбивали сделку на два акта: Товар — Деньги — Товар.

Задача данной главы — отделить бартер как вынужденную, спонтанную реакцию на развал денежной системы от бартера как осознанной, институционально оформленной стратегии. Именно это различие станет ключевым при сравнении опыта СССР (вынужденный хаос) и КНР (стратегическая экспансия) в последующих разделах книги.

«Двойное совпадение потребностей»: проклятие или решаемая задача?

Классическая критика бартера, сформулированная еще Адамом Смитом и развитая Уильямом Джевансом, строится на проблеме «двойного совпадения потребностей»: продавец товара А должен не просто найти того, у кого есть нуж-

ный ему товар Б, но и того, кто одновременно нуждается в товаре А. В теории это создает колоссальные транзакционные издержки поиска и торга.

Однако исторический опыт СССР и КНР показывает, что эта проблема успешно решается через три механизма:

1. Появление универсального товарного эквивалента. В советской теневой экономике роль денег играли «ликвидные» стройматериалы (цемент, лес), в глобальной китайской системе — нефть и редкоземельные металлы. Как только выделяется такой «якорный товар», цепочка Т — Т перестает быть хаотичной и обретает структуру.

2. Создание института посредника. В СССР эту роль выполняли «толкачи» и директорский «блат»; в КНР — уполномоченные государственные трейдинговые дома (Sinochem, Minmetals), а сегодня — цифровые платформы-агрегаторы.

3. Многосторонний клиринг. Проблема снимается, если в сделку включены не двое, а десятки участников, чьи потребности сводятся в едином расчетном центре (главы 16 и 17).

Психология и антропология безденежного обмена

Современная экономическая теория часто упускает из виду, что акт бартера глубже, чем коммерция. Это установление личной связи и взаимного обязательства. В архаических обществах обмен дарами (потлач, кула) носил сакральный характер, укрепляя социальную иерархию. В советском обществе обмен «ты — мне, я — тебе» сформировал мощный

пласт неформальных отношений, сеть взаимозависимостей, которая компенсировала жесткость плановой системы.

В китайской традиции меновая торговля исторически переплетена с концепцией «гуаньси» (связей). Сделка «сырье в обмен на инфраструктуру» для китайской стороны — это не просто получение актива, а установление долгосрочных отношений зависимости и политического влияния, где партнер становится частью экосистемы, из которой трудно выйти.

Типология современного бартера

Для целей данной книги мы вводим следующую рабочую классификацию, которая позволит четко разграничивать описываемые явления:

- Классический (чистый) бартер: Единовременный обмен товарами без денег. В современных масштабах встречается редко, обычно в приграничной или «челночной» торговле.

- Компенсационная торговля (Compensation Trade): Более сложная форма, ставшая мостом для Китая в 1980-е. Оборудование и технологии поставляются в страну, а оплата осуществляется продукцией, произведенной на этом же оборудовании (buy-back). Это бартер, растянутый во времени и увязанный с инвестициями.

- Встречные закупки (Офсет): Экспортер обязуется закупить товары в стране-импортере на сумму, пропорциональную стоимости контракта. Военно-техническое сотрудничество и атомная энергетика — классические сферы офсета.

- Связанные кредиты (Resource-Backed Loans): Высшая

форма государственного бартера. Кредит выдается не «живыми» деньгами, а мощностями подрядчика, и гасится сырьевым потоком (краеугольный камень современной китайской экспансии).

· Клиринговые и своп-соглашения: Безналичные взаимозачеты между государствами, при которых валюта используется лишь как единица счета для последующего товарного покрытия.

Когда и почему система «сворачивается» к Т — Т

Анализ исторических кризисов позволяет выделить три универсальных условия, при которых государство или крупный бизнес массово переходят на бартер:

1. Гиперинфляция и утрата доверия к фиату. Классический пример: Германия 1923 года, Россия 1918–1921 и 1992–1998 годов. Когда скорость обесценения денег превышает скорость обращения товаров, участники рынка перестают принимать национальную валюту.

2. Административный дефицит при фиксированных ценах. Случай СССР 1960–1980-х. Деньги есть, но купить на них в рамках плана ничего нельзя. Предприятия вынуждены уходить в теневой бартер не из-за отсутствия рублей, а из-за отсутствия доступа к фондированным ресурсам.

3. Внешнеполитическая изоляция и отключение от мировой финансовой системы. Случай современных Ирана, КНДР, отчасти России и Китая. Отключение от SWIFT, заморозка резервов блокируют каналы Т — Д — Т. Единствен-

ным выходом становится прямое сопряжение товарных потоков, создание параллельной системы «ресурсы — технологии» вне долларовой зоны.

В этом месте старинные вещи перестают быть просто интересными историческими фактами и становятся современными инструментами для борьбы за ресурсы и влияние в мире. В следующих главах мы подробно покажем это, начав с интересного и важного опыта Советского Союза.

Глава 2. Архаика и эпоха войн: от «немного торго» до продрозверстки

«Немые торги» и сакральный обмен древности

Задолго до появления монеты человечество отточило механизмы безденежного обмена до совершенства. Феномен «немного торго», описанный Геродотом и арабскими путешественниками, является первой исторической моделью бартера без общего языка и институтов доверия. Карфагеняне, достигнув берегов Западной Африки, раскладывали товары на песке, разводили сигнальный костер и удалялись на корабли. Туземцы оставляли рядом золотой песок, слоновую кость или пряности. Если пропорция устраивала моряков, они забирали сырье; если нет — возвращались на борт и ждали новой порции. Ни одна из сторон не видела лица контрагента.

Урок для будущего: Этот ритуал демонстрирует, что бартер возможен даже при полном отсутствии коммуникации и правовой защиты. Ключевую роль играл «якорный товар» (золото, соль, пряности) как общепризнанный эквива-

лент. В современном мире эту роль «сигнального костра» берут на себя блокчейн-платформы, обеспечивающие сделку без доверия к контрагенту.

Великий шелковый путь: тысячелетие смешанного обмена

На пространстве от Чанъаня до Рима в течение столетий функционировала сложнейшая система обмена, где монета играла далеко не главную роль. Китайский шелк выступал универсальным товарным эквивалентом наравне с серебром. Караваны шли на восток с золотом, стеклом и вином, а возвращались с шелком, который в Византии и Риме перепродавался за твердую валюту. Посредники (согдийцы, персы, арабы) создали многоступенчатый клиринг, при котором прямой обмен Т — Т на одном участке пути обрстал денежной «надстройкой» на другом.

Параллельно существовала данническая меновая торговля: «варварские» племена поставляли меха и рабов в обмен на престижные товары цивилизации (оружие, украшения, ткани). Это была асимметричная сделка, выгодная империи, но воспринимаемая кочевниками как обмен дарами. Именно здесь берет начало политический бартер — обмен экономической ценности на лояльность и военный союз, который станет основой советской помощи странам соцлагеря и китайской «меновая дипломатии» в Африке.

Эпоха войн и блокад: опыт Первой мировой

К 1914 году мировое хозяйство было пронизано золотым

стандартом, и казалось, что натуральный обмен окончательно вытеснен в резервации для архаичных обществ. Однако война мгновенно разрушила эту иллюзию. Крушение международной торговли и мобилизация экономик привели к дефициту всего: от продовольствия до селитры.

Воюющие державы стремительно осваивали принудительный бартер с нейтралами и колониями. Германия, отрезанная британским флотом от чилийской селитры, обменивала химикаты и уголь на шведскую железную руду. Османская империя поставляла хлопок в обмен на немецкие винтовки и инструкторов. Это был государственный, вертикально организованный обмен, где цену диктовала не полезность, а стратегическая необходимость.

Именно в окопах и тыловых гарнизонах родились «сигаретные валюты» — классический пример стихийного товарно-денежного суррогата в замкнутой системе. Пачка сигарет обладала делимостью, портативностью и внутренней ценностью (возможность выкурить), что сделало ее идеальным средством обмена между солдатами разных национальностей. Этот феномен будет многократно воспроизведен в советских лагерях и постсоветских тюрьмах, а позже осмыслен экономистами как доказательство того, что рынок и деньги неуничтожимы, пока есть коммуникация и дефицит.

Революция и Гражданская война в России: распад денег
Февральская, а затем Октябрьская революции ускорили коллапс рубля, подорванного мировой войной. К 1919

году гиперинфляция достигла таких масштабов, что крестьянство отказывалось принимать «керенки» и «совзнаки», предпочитая натуральный обмен. Начался массовый переход от денежного хозяйства к натуральному, который большевики первоначально восприняли не как катастрофу, а как исторический шанс.

Именно в горниле Гражданской войны были опробованы три модели бартера, которые затем, в разных формах, проявятся на протяжении всей советской истории:

- Мешочничество: Стихийный, незаконный, но терпимый властью обмен горожан (мешочников) на селе. Горожане везли ткани, соль, спички, лампы; крестьяне отдавали зерно, сало, самогон. Это был атомизированный, «молекулярный» бартер выживания, создавший черный рынок в масштабах всей страны.

- Продразверстка: Квази-бартер, навязанный государством. Декретом устанавливалась норма изъятия «излишков». Взамен крестьянину полагалась квитанция и право на получение промтоваров из центра. На практике промтоваров не хватало, и обмен превращался в конфискацию, что привело к крестьянским восстаниям и голоду. Это был первый урок того, что принудительный «административный бартер» разрушает производство.

- Натурализация зарплаты: В 1921 году денежная часть заработной платы рабочего составляла лишь 6–7%, остальное — паек, ордер на одежду, топливо, коммунальные услуги.

Предприятия ВСНХ перестали платить друг другу, перейдя на прямое фондирование по ордерам и лимитам. Экономика превратилась в гигантское натуральное распределение, где рубль играл роль условной единицы учета.

Миф об «отмирании денег» и его крах

Период «военного коммунизма» уникален тем, что натурализация хозяйства была не только вынужденной мерой, но и идеологической программой. Левые большевики (Бухарин, Преображенский) всерьез писали о скором отмирании денег при коммунизме. В 1920 году III конгресс Коминтерна обсуждал тезисы о переходе к безденежному учету в «трудовых единицах» (тредах). Открывались бесплатные столовые и бани, отменялась плата за жилье — казалось, что старый мир чистогана рушится.

Реальность оказалась жестокой. Прямой продуктообмен между городом и деревней провалился. Крестьяне сократили посевы до минимума, необходимого для собственного пропитания — производить «излишки», которые изымут по продразверстке, было бессмысленно. Заводы, переведенные на сметно-бюджетное финансирование, потеряли стимулы к экономии. Транспорт встал. Кронштадтский мятеж и антоновщина стали вооруженным приговором утопии безденежного хозяйства.

Именно этот провал заставил Ленина объявить о переходе к НЭПу и восстановлению твердой валюты — червонца. Советская власть получила важнейший урок: бартер хорош

как аварийная система во время войны и блокады, но как постоянная модель управления сложной индустриальной экономикой он ведет к архаизации, потере управляемости и голоду.

Однако, как мы увидим в следующих главах, этот урок был усвоен лишь частично. При Сталине бартер ушел в подполье, чтобы снова выйти на сцену в годы нового военного лихолетья, а при Брежневе и Горбачеве — стать системообразующей тенью плановой экономики.

Глава 3. Кризисы капитализма и возврат к натуре: от Великой депрессии до Бреттон-Вудса

Уроки, которые Запад предпочел забыть

В западной экономической историографии принято считать, что бартер — это удел неразвитых или рухнувших экономик. Однако XX век дважды опроверг этот тезис в самом сердце капиталистического мира. В периоды глубочайших структурных кризисов — Великой депрессии и послевоенной разрухи — стихийный и организованный безденежный обмен спасал миллионы людей и тысячи предприятий в США, Европе и Японии. Эти эпизоды принципиально важны для нашего анализа, поскольку они демонстрируют: механизмы, которые в СССР считались «родимыми пятнами капитализма» или «социалистической альтернативой», на самом деле являются универсальной реакцией сложных систем на коллапс ликвидности.

Великая депрессия: самодельные деньги и «налоговые за-

четы»

К 1932 году банковская система США потеряла доверие населения. Тысячи банков закрылись, кредит исчез, а наличные доллары осели в кубышках. В ответ по всей стране — от Калифорнии до Огайо — муниципалитеты и ассоциации предпринимателей начали выпускать скрип (scrip) — временные бумажные суррогаты денег, часто обеспеченные товарными запасами.

· Город Хейден (Колорадо): Здесь выпустили «деревянные деньги» — диски из прессованной древесины, которые можно было обменять на уголь из местной шахты или еду в лавке.

· Фонд Торговли за труд (Калифорния): Безработные организовали кооперативы, где обменивали плотницкие и швейные услуги на продукты фермеров. Расчеты велись в «трудовых сертификатах» — по сути, внутренних деньгах с нулевой инфляцией.

Этот опыт примечателен тем, что бартер возник не из слабости институтов, а как самозащита гражданского общества. Он не был навязан государством, а вырос снизу, доказав, что горизонтальные экономические связи способны к самоорганизации даже в высокоразвитой индустриальной стране. Однако этот опыт был быстро забыт, как только заработал «Новый курс» Рузвельта и в экономику влились бюджетные доллары.

Швейцарский WIR-банк: бартер, ставший институтом (1934 – наши дни)

Единственным исключением, подтверждающим правило, стал Швейцарский экономический круговой кооператив (Wirtschaftsring-Genossenschaft), созданный в 1934 году Вернером Циммерманом. Это не временная мера, а постоянно действующая параллельная денежная система, основанная на взаимном кредите.

- Механизм: Участники WIR (сегодня это более 60 000 малых и средних предприятий) получают кредитную линию в виртуальной валюте WIR, эквивалентной швейцарскому франку. Сделки между ними не требуют «живых» франков: столяр платит пекарю виртуальными WIR, пекарь расплачивается с мельником, и так далее.

- Антицикличность: Статистика доказала, что объем сделок в WIR резко возрастает в периоды рецессий, когда предложение швейцарского франка сокращается, и падает в периоды роста. WIR действует как автоматический стабилизатор, демпфируя шоки ликвидности.

Урок для будущего: WIR — это доказательство того, что многосторонний клиринг не требует диктатуры, планового комитета или тоталитарного контроля. Это рабочая, рыночная модель, которая в цифровую эпоху может быть масштабирована на трансграничные объединения (глава 16), работая быстрее и прозрачнее бюрократических «толкачей».

Послевоенная Европа: сигареты как валюта и ERP-клиринг

1945 год. Промышленность Германии, Италии, Франции

лежит в руинах. Рейхсмарки и лиры обесценены, национальные банки недееспособны. Товарные потоки регулируются оккупационными властями и армией. В этот период возникает два полюса бартера: «черный» молекулярный и межгосударственный планируемый.

· Сигаретный стандарт: В американской и британской оккупационных зонах сигареты (Lucky Strike, Camel) стали универсальным средством обмена, накопления и меры стоимости. Буханка хлеба, услуги механика, проезд на поезде, интимные услуги — все имело цену в «штуках» и «блоках». Это была классическая товарная валюта, подчиняющаяся законам спроса и предложения: «курс» сигарет колебался в зависимости от армейских поставок. Примечательно, что именно этот опыт вдохновил послевоенных немецких экономистов (в частности, Вальтера Ойкена) на создание теории «социального рыночного хозяйства», где денежная стабильность была признана абсолютным приоритетом, без которого общество скатывается к примитиву.

· Европейский платежный союз (EPU, 1950–1958): На противоположном полюсе находился организованный клиринг. Страны Западной Европы, восстанавливающие торговлю, не имели достаточно долларов и золота для взаимных расчетов. Банк международных расчетов (BIS) создал систему многостороннего зачета: страны ежемесячно сводили дебет и кредит взаимной торговли, а платить твердой валютой нужно было лишь небольшое сальдо. EPU стал двигателем

«экономического чуда», позволив Франции, Германии, Италии активно торговать, не имея конвертируемых валют. Это был межгосударственный клиринг в чистом виде, предтеча современных своп-линий.

Кейнс и его несбывшаяся мечта: Банкор

Принцип, заложенный в ЕРУ, имел мощное теоретическое обоснование. Джон Мейнард Кейнс, готовя британскую позицию к Бреттон-Вудской конференции, предложил создать глобальную клиринговую валюту — банкор. Это должны были быть не физические деньги, а единица учета в Международном клиринговом союзе. Страны с профицитом торгового баланса должны были платить штраф, стимулируя импорт и не позволяя накапливать бесконечные резервы.

План Кейнса был отвергнут Соединенными Штатами в пользу доллара как мирового эквивалента. Однако сама идея наднациональной расчетной единицы, привязанной к корзине товаров, сегодня переживает ренессанс в дискуссиях о валюте БРИКС и цифровых клиринговых платформах. Именно модель Кейнса, а не Маркса или Ленина, оказалась концептуальным фундаментом для современного безденежного обмена на макроуровне.

Выводы для книги

Опыт капиталистического мира в первой половине XX века дает нам три аксиомы для анализа советского и китайского материала:

1. Бартер — не аномалия, а встроенный предохранитель.

Он активизируется всякий раз, когда предложение денег резко сжимается, независимо от политического строя.

2. Институционализация критически важна. Атомизированный бартер (сигареты, «деревянные деньги») спасает на микроуровне, но создает рост на макроуровне только организованный многосторонний клиринг (WIR, EPU).

3. Соблазн безденежной утопии универсален. Как левые большевики грезили отмиранием денег, так и западные интеллектуалы (от Сильвио Гезелля до Кейнса) искали способ исправить несправедливость золотого стандарта через «свободные деньги» или клиринг.

Советский Союз, к анализу которого мы переходим, попытается пройти весь этот путь — от утопии к вынужденному хаосу — на протяжении жизни одного поколения, превратив бартер из идеологического проекта в способ выживания империи.

Глава 4. Военный коммунизм: натурализация как догма (1918–1921)

Идеологический фундамент: мечта о безденежном рае

Предыдущая глава завершилась упоминанием о том, что соблазн безденежной утопии универсален. Но нигде в мире этот соблазн не стал государственной политикой в такой полноте, как в Советской России эпохи военного коммунизма. Для левого крыла большевистской партии разрушение денег было не вынужденной мерой военного времени, а желанной целью. Николай Бухарин и Евгений Преображен-

ский в «Азбуке коммунизма» (1919) писали о деньгах как об инструменте эксплуатации, который должен исчезнуть вместе с рынком. Юрий Ларин предлагал ввести единицу учета «тред» (трудовая единица). Партийные программы всерьез обсуждали замену зарплаты прямым распределением благ по «физиологическим нормам».

Этот идеологический контекст критически важен. В отличие от Китая эпохи Мао, где бартер был инструментом выживания в изоляции, или капиталистических кризисов, где он был предохранителем, в СССР 1918–1921 годов натурализация была сознательной атакой на товарно-денежные отношения как таковые. И именно этот догматизм многократно усилил экономическую катастрофу.

Механизм распада: от рубля к совзнаку

К моменту прихода большевиков к власти рубль уже был смертельно болен мировой войной. Но политика новой власти добила его окончательно. В 1918 году была введена монополия на эмиссию «советских расчетных знаков» (совзнаков). Печатный станок заработал без остановки. Если в январе 1918 года в обращении находилось 27 миллиардов рублей, то к январю 1921 года — 1 триллион 168 миллиардов. Цены выросли в 20 000 раз.

В этих условиях деньги перестали выполнять свои функции:

- Мера стоимости: Никто не знал реальной цены товара в совзнаках, так как за время торга она могла утроиться.

- Средство обращения: Крестьяне отказывались принимать стремительно обесценивающиеся бумажки за зерно.
- Средство накопления: Единственной формой сбережения стали товары: соль, мука, керосин, спички, самогон, золотые монеты царской чеканки.

Рубль исчез из обращения. Его место занял хаотичный, но единственно возможный прямой обмен.

Продразверстка: псевдобартер с оружием в руках

Центральным элементом экономической политики стала продовольственная разверстка, введенная декретом от 11 января 1919 года. Формально это был государственный бартер: государство определяло потребности армии и городов, исчисляло «излишки» зерна и мяса у крестьянства и изымало их, выдавая взамен квитанции на получение промышленных товаров — тканей, гвоздей, керосина, сельхозинвентаря.

На практике этот обмен был глубочайше асимметричен. Промышленность лежала в руинах, товарный фонд для обмена с деревней был ничтожен. Крестьяне получали взамен изъятого зерна обесцененные бумажки, расписки без покрытия, а чаще — ничего, кроме угрозы реквизиции и конфискации «излишков» продотрядами. По сути, это был бартер, в котором одна сторона была лишена права отказаться от сделки. Экономисты называют это «безэквивалентным обменом», крестьяне — грабежом.

Результат предсказуем: крестьяне перестали производить сверх собственного минимума. Посевные площади сократи-

лись на 35–40% по сравнению с довоенным уровнем. Государство изымало все более скудный урожай, закручивая спираль голода. К 1921 году продразверстка добыла менее половины запланированного зерна, а страна вошла в полосу массового голода, унесшего миллионы жизней.

Натурализация города: паек, ордер и бесплатный трамвай

Параллельно с деревней натурализация охватила город. Логика была простой: если деньги исчезают, государство должно напрямую снабжать рабочих всем необходимым. В 1920–1921 годах этот процесс достиг апогея:

- Заработная плата стала натуральной: Денежная часть жалованья рабочего сократилась до 6–7% от общего дохода. Остальное выдавалось продовольственным пайком (хлеб, крупа, сахар, чай, соль), ордером на одежду и обувь, правом на получение топлива и место в общежитии.

- Отмена платы за услуги: С января 1920 года были отменены платежи за жилье, водопровод, канализацию, газ, электричество, бани, трамвай, а также плата за детские сады и школы. Декрет «Об отмене оплаты за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радио» довершал картину.

- Предприятия перестали платить друг другу: Национализированная промышленность была переведена на сметно-бюджетное финансирование. Заводы получали сырье и топливо по ордерам ВСНХ, а готовую продукцию сдавали государству бесплатно. Денежные расчеты между госпредприятиями были запрещены, заменены бухгалтерскими провод-

ками в «безденежном учете». Экономика превратилась в гигантское натуральное распределение.

Внешне это напоминало осуществление коммунистической мечты: «каждому по потребностям». Но реальность была удручающей. Нормы выдачи пайка падали. Натурализация убила стимулы к труду: работаешь ты или нет, паек выдается по карточкам, уравнилельно. Производительность труда на заводах упала в 3–4 раза. Транспорт встал, так как железнодорожники не получали ни денег, ни достаточного пайка. Начался распад хозяйственных связей.

Мешочничество: теневой бартер как спасительный клапан

Официальная экономика умирала, но люди выживали благодаря стихийному нелегальному бартеру, который получил название «мешочничество». Сотни тысяч горожан, вооруженных мешками и сумками, двинулись в деревню. Они везли все, что уцелело от прежней жизни: ткани, одежду, обувь, посуду, лампы, гвозди, соль, спички, мыло. Крестьяне, несмотря на запреты и заградительные отряды, обменивали зерно, муку, сало, самогон на эти городские товары.

Масштабы мешочничества были колоссальны. По оценкам историков, в 1918–1919 годах мешочники доставляли в города от 40 до 60% всего потребляемого продовольствия. Без этого теневого, преследуемого, но неуничтожимого потока городское население было бы обречено на вымирание. Мешочничество создало параллельную экономику, в которой сформировались свои цены, эквиваленты и логистиче-

ские цепочки.

В этом феномене мы видим прообраз будущей советской теневой экономики: государство монополизировало распределение, терпит неудачу, и на руинах плана возникает стихийный рынок «толкачей» и «цеховиков». Институт «толкача», который расцветет при Сталине и Брежневе, родился именно здесь — в мешке, набитом солью и мануфактурой, который рабочий везет в деревню, чтобы обменять на хлеб.

Кронштадт и переход к НЭПу: крах утопии

К началу 1921 года экономический крах стал неоспоримым. Промышленное производство упало до 12–15% от довоенного уровня. Транспорт был парализован. Города обезлюдели (население Петрограда сократилось с 2,5 до 0,7 миллиона человек). Но последней каплей, принудившей Ленина к кардинальному развороту, стали политические последствия: крестьянская война в Тамбовской губернии (антоновщина) и Кронштадтский мятеж (март 1921 года). Мятежные матросы, бывшая «краса и гордость революции», требовали не только политических свобод, но и свободы торговли — права крестьянина распоряжаться своим продуктом.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 года Ленин объявил о замене продразверстки продналогом и переходе к «Новой экономической политике» (НЭП). Продналог был фиксированным и оставлял крестьянину «излишки» для свободного обмена. Была восстановлена свободная торговля. Началась подготовка к денежной реформе, увенчавшейся в 1924 году

введением твердого золотого червонца.

Это было не тактическое отступление, а признание фундаментальной ошибки. Оказалось, что сложная экономика не может функционировать без денег и рынка. Бартер, навязанный сверху как догма, привел не к коммунизму, а к деградации до почти первобытного состояния.

Уроки военного коммунизма для будущего

Опыт 1918–1921 годов оставил в советской экономической генетике глубокий рубец, но и важные знания:

1. Провал административного бартера: Принудительный обмен без права отказа и без реального эквивалента разрушает производство. Продразверстка доказала, что нельзя построить обмен на штыках.

2. Живучесть «молекулярного» обмена: Даже под жесточайшим прессом люди создают сети горизонтального обмена. Мешочничество показало, что экономическая жизнь не умирает, а уходит в тень.

3. Деньги как неизбежность: Утопия безденежного учета разбилась о реальность человеческой мотивации. Учет и контроль без стоимостного эквивалента оказались фикцией.

Когда в 1990-е годы советская экономика вновь скатилась к массовому бартеру, это было не новое явление, а возвращение к архетипу, заложенному в годы военного коммунизма, но лишенному на этот раз идеологического оправдания.

Глава 5. НЭП и сталинская индустриализация: изгнание бартера и его теневое возрождение (1921–1941)

НЭП: триумф червонца и официальный запрет меновой торговли

Переход к Новой экономической политике в 1921 году стал актом отрезвления. Большевики признали: без твердой валюты и рынка страна погибнет. Кульминацией финансовой стабилизации стало введение в 1924 году золотого червонца — одной из самых устойчивых валют Европы того времени. Он свободно конвертировался в золото и иностранную валюту, обслуживал до 80% товарооборота.

Восстановление денежного обращения означало официальное вытеснение бартера из легальной сферы. Государственные предприятия вновь получили счета в банках, прибыль и убыток вновь стали измеряться в деньгах. Меновая торговля, мешочничество и натуральный паек ушли в прошлое — во всяком случае, так казалось из кремлевских кабинетов.

Но этот период дал советским хозяйственникам бесценный опыт «работы с деньгами», который будет утрачен через считанные годы. Именно при НЭПе сформировался тип директора-управленца, понимающего рентабельность, кредитование и оборот. Эти кадры будут физически уничтожены или сломлены в годы Большого террора, а их навыки окажутся заменены совершенно иной моделью поведения.

Великий перелом: конец рынка, возврат фондирования
1929 год — «год Великого перелома». Сталин сворачивает НЭП, объявляет форсированную индустриализацию и

коллективизацию. Механизм рынка заменяется директивным планом. Частный сектор уничтожается. Свободная купля-продажа ресурсов между предприятиями исчезает.

Вместо денежных расчетов вновь вводится система централизованного фондирования и распределения ресурсов. Завод получает сырье не потому, что может за него заплатить, а потому, что Госплан «выделил фонды». Деньги на счетах предприятия становятся условностью: они есть, но купить на них сталь, цемент или станки невозможно — нужен «наряд», «фондовое извещение», подпись в главке.

Это был рецидив военного коммунизма, но без его уравнилительной идеологии. Формально деньги существовали, но их активная функция была парализована. Именно этот разрыв между наличием денег и отсутствием возможности их потратить легально и породил уникальное явление — теневой бартер зрелого сталинизма.

Рождение «толкача»: профессия выживания

Как только плановая система начала давать сбои (а они начались немедленно: планы были завышены, поставки срывались, «узкие места» возникали всюду), на предприятиях стихийно возникла фигура «толкача».

Толкач — это нелегальный агент предприятия, чья задача — «выбить», «достать», «пробить» дефицитное сырье, комплектующие, оборудование, без которых план будет сорван. Формально он командирован для «ускорения согласований». Реально он везет с собой «фонд директора» — де-

фицитные товары, произведенные его заводом сверх плана или списанные в брак, спирт, спецодежду, а иногда и просто конверт с наличными.

Рынок, уничтоженный официально, возродился в форме межзаводской меновой сети. Толкачи заключали негласные сделки: «вы нам — моторы, мы вам — алюминиевый прокат». Деньги в этих сделках не участвовали. Это был прямой продуктообмен, скрытый от глаз контрольных органов фиктивными нарядами и приписками.

Этот институт окажется настолько живучим и системно важным, что просуществует до самого конца СССР, пережив Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева, и лишь мутирует в «челночную» торговлю и бартер 1990-х.

ГУЛАГ и «спецторг»: еще один контур безденежного обмена

Сталинская индустриализация имела еще одно измерение — лагерную экономику. ГУЛАГ был не только репрессивной машиной, но и гигантским хозяйственным комплексом, где товарно-денежные отношения были редуцированы до примитива.

Внутри лагерей существовала теневая меновая экономика. Хлеб менялся на махорку, махорка — на теплые портянки, портянки — на освобождение от тяжелой работы. Роль универсального эквивалента играли махорка, хлеб и спирт. Лагерные «урки» и «придурки» (заключенные на административных должностях) создали сложную систему нефор-

мального обмена, которую в миниатюре воспроизводила советская теневая экономика в целом.

Параллельно существовал «спецторг» для вольнонаемного населения в отдаленных регионах — закрытые распределители, где товары отпускались по талонам и ордерам, а деньги играли второстепенную роль. Страна, объявившая деньги пережитком, частично жила без них не в коммунистическом изобилии, а в лагерном дефиците.

«Блат» как социальный институт

Именно в 1930-е годы складывается явление, которое позже назовут «блатом». Блат — это система неформальных связей и взаимных услуг, позволяющая получить доступ к дефицитным благам в обход формальных процедур. Он отличается от коррупции тем, что его основой является не прямая взятка деньгами, а обмен услугами, «ты — мне, я — тебе», создание сети взаимных обязательств.

Врач лечит жену директора магазина вне очереди; директор магазина «откладывает» дефицитный товар для врача; слесарь ремонтирует квартиру зубному технику; зубной техник делает протезы слесарю. Это классический бартер услугами, пронизавший советское общество на всех уровнях.

Блат в 1930-е годы был не пережитком, а функциональной необходимостью. Официальная система распределения была настолько жесткой и неэффективной, что без неформальных каналов обмена люди не могли удовлетворить элементарные потребности. Государство периодически устраивало кампа-

нии по борьбе с «блатом» и «спекуляцией», но никогда не могло их уничтожить, поскольку они были прямым порождением самого государства.

Внешняя торговля как государственный бартер

На внешнем контуре сталинский СССР практиковал то, что запрещал внутри. Внешняя торговля была государственной монополией и часто велась в формах, близких к бартеру. В условиях Великой депрессии, когда мировая торговля сжалась, а валютные резервы были скудны, советские внешнеторговые объединения активно использовали:

- Встречные закупки: Продажа леса и нефти в обмен на станки из Германии и США.
- Клиринг: Двусторонние соглашения с Германией, Италией, странами Прибалтики о безвалютном товарообмене.
- Концессии и компенсационные сделки: Иностранные фирмы получали право на добычу золота или леса в обмен на поставку оборудования и технологий (хотя большинство концессий было свернуто к концу 1930-х).

Этот опыт внешнеторгового клиринга будет востребован после Второй мировой войны при создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и станет важной частью советского арсенала в торговле с соцстранами и развивающимися государствами.

Предвоенный баланс: итоги периода

К 1941 году в СССР сложилась двойственная реальность. Официально деньги существовали, работали сберкассы, вы-

давались кредиты, проводились денежные реформы. Но под этой оболочкой скрывалась экономика, глубоко пораженная административным распределением и теневым бартером.

Институт толкача, система блата, лагерная меновая экономика, внешнеторговый клиринг — все это были грани одного явления: невозможности сложной индустриальной системы функционировать без механизма эквивалентного обмена. Там, где деньги были бессильны перед планом, на помощь приходил бартер — нелегальный, теневой, преследуемый, но незаменимый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.